

18+

**‘прощание с петербургом’
денис шпека**

Денис Шпека

**Прощание с Петербургом.
Новелла в 12 главах**

«Издательские решения»

Шпека Д. С.

Прощание с Петербургом. Новелла в 12 главах / Д. С. Шпека —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-743028-3

Посвящается Лилит Раневской-Тигранян. «Прощание с Петербургом» — единственный вокальный цикл Глинки. О его возникновении композитор рассказал в своих «Записках»: «В день моих именин, т. е. 21 мая, когда я шел из Ревельского подворья... мне пришла мелодия болеро „О дева чудная моя“. Я попросил Кукольника написать стихи для этой новой мелодии, он согласился, а вместе с тем предложил мне несколько написанных им романсов. У меня было несколько запасных мелодий, и работа шла весьма успешно».

ISBN 978-5-44-743028-3

© Шпека Д. С.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Кто он и где он	6
Глава 2. Еврейская песня	7
Глава 3. Болеро («О дева чудная моя»)	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Прощание с Петербургом

Новелла в 12 главах

Денис Сергеевич Шпека

*Natur und Kunst, sie scheinen sich zu fliehen
Und haben sich, eh» man es denkt, gefunden;
Der Widerwille ist auch mir verschwunden,
Und beide scheinen gleich mich anzuziehen.*

**«Natur und Kunst»,
Johann Wolfgang von Goethe**

*Природы и искусства расхождение —
Обман для глаз: их встреча выполняма.
И для меня вражда их стала мнима,
Я равное питаю к ним влечение.*

**«Природа и искусство»,
Иоганн Вольфганг фон Гёте**

© Денис Сергеевич Шпека, 2020

ISBN 978-5-4474-3028-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Кто он и где он

Он ожидал сна на левом, более мнительном боку. С ясностью ума на сегодня можно было попрощаться, но две-три законченных мысли Донован все еще надеялся выдавить из себя. Надежда на сочность сознания казалась ему необходимым этапом для яркого и так называемого «цветного» сна, который был склонен манить его, но не отдаваться. За весь свой длительный вояж он уже успел сформировать мнение о корабельных снах. Лаконичность мысли заключалась в следующем: если в реальном мире морская болезнь была для него чем-то вроде античного мифа или нордической легенды, то для его снов эта болезнь была самой настоящей проказой, испанкой, наиболее ощутимой из всех возможных. Его сны нещадно укачивало, Вселенная снимала их в блеклых сине-зеленых тонах, и смотреть их не хотелось.

Балтика, оставшаяся позади, не должна была стать столь скудной на душевные переживания, ведь, Донован знал, это море вдохновляло Бергмана и Тарковского. Не трогали его и наивные легенды о прекрасных фьордах. Медитацией в пути он пытался добиться и обратного эффекта – эмоционального спокойствия, но и здесь потерпел немногословное фиаско. В этом тихом сожалении он решил, что проблема в нем, что именно он не совладал с такими объемами северного мистицизма, попросту не зная, что с ними делать. Обратно он обязательно вернется самолетом.

Проводил же он себя в сон одной диповой мелодией, которая органично дополняла полную тишину, царившую в каюте, несмотря на то, что за бортом шумел не самый гостеприимный Финский залив. С утра, скорее перекусив, а не позавтракав, он отправился прогуляться по лайнеру. Так можно было убить около часа. Стоял поздний октябрь и позади Донована еще светило солнце, пусть и не беспрепятственно, но впереди... Впереди его октябрь уже давно дотлел, отжив даже меньше положенного срока. У петербургской природы всегда был свой взгляд на эту жизнь, особый нрав.

Его мама всегда болела Петербургом. Даже когда они несколько лет жили в Венеции, Донован, будучи еще мальчишкой, не раз и не два слышал о разводных мостах и о белых ночах, о личной жизни русских императоров. Он заставлял себя чтить ее память чаще, чем ему хотелось, хотя большого выбора, кому отдавать почтение, он не имел: скончавшиеся мать и бабушка были его единственными кровно близкими людьми. Заметив палубные ступеньки и стюарда на них, Донован не поленился разузнать о времени прибытия. «Ориентировочно, через три-четыре часа, сэр, волны сегодня встречные». Поднимаясь по ступенькам, ему было совсем плевать, как именно он проведет это время. С самого начала круиза (а может, это началось и раньше) не он придумывал дни своей жизни, а дни придумывали его.

Он был уверен, что именно так и продлится время до самой эвтаназии. Черт, а ведь эффективное самозабвение – это не больше и не меньше – одно из самых недооцененных явлений прошлого века. Плод отрицания сущего, что-то вроде современного искусства: пока одни нелепо искали, как жизнь продлить, другие выдумали идеальную смерть. Изобретение больного гения. Какой пронизывающий ветер на палубе. Для него это опасно, но он всего на несколько минут. Дети же вон, резвятся, а он просто попытается подышать. Дети. Когда-то Донован очень мечтал о собственном ребенке. Маленькие девочки на палубе, на вид лет 10, играли в салки. Он уже видел их, по всей видимости, за ужином, тогда они были с огромной свитой из родителей и других родственников или друзей. Одна из девочек подбежала к нему и, осалив, резко нырнула в ведущие вниз ступеньки, другая сразу побежала за ней. Он машинально хотел рвануть за ними, но вместо этого застыл. Тело его быстро охладело под натиском питерского аквилона, и он провел на палубе еще ни одну минуту, ощущая глубокое презрение к самому себе.

Вскоре его перепонки разорвал неожиданный гудок корабля, и Донован очнулся.

Глава 2. Еврейская песня

Пока судно причаливало, Донован имел возможность наблюдать за двумя статными мужчинами, опускающими якорь в воду с помощью бесхитростного приспособления. Они были одеты совсем не так, как остальной персонал на корабле, но на то, видимо, были причины. Он помнил, что еще в детстве монотонные и циклические движения, в которых чувствовалась уверенность, вызывали вибрации в районе мозжечка. Вибрации сложно было с чем-то спутать и, в итоге, он прожил свою жизнь этим властолюбивым ощущением, отдаваясь ему в любой подходящей ситуации.

Ступив на почву морского вокзала, он никак не ожидал, что его ноги будут чувствовать себя на земле столь непоколебимо. Почти неделя непрерывного пребывания в морях и заливах, иногда – в проливах с сильными течениями, не должны были оставить его координацию нетронутой. Но именно так и сложилось. В потоке людей, покидавших лайнер, он был одним из последних и точно не единственным, знавшим русский язык. На тоненьком искусственном полуострове, к которому судно примкнуло, образовались и буквально за 10 минут исчезли две когорты. Иностранцы, которые тихо запрыгивали в первое попавшееся такси, и местечковые славянские нации, которые никак не могли не поторговаться. Впрочем, все они быстро уехали и выбора большого Доновану не оставили. Ветер не утихал (да и откуда взяться причине его угомонения?), ему становилось действительно опасно находиться под его холодными потоками.

По пути к одной из двух оставшихся машин, он заметил лежащего нищего, очень похожего на то, – слепого нищего, которому он в некотором страхе бросил пару европейских монет. На его лице, на левой стороне, свисала огромная опухоль. Он мимолетно подумал о ее природе и решил, что она, скорее всего, доброкачественная. После, когда Донован уже попытался сделать пару хладнокровных шагов к машине, нищий запел. Запел вовсе не на русском, а на языке, почему-то очень похожем на иврит... Только в такси какая-то музыка перебила его хриплое горловое пение. Он назвал адрес гостиницы на улице Декабристов, а водитель пообещал добросить его туда за минут 20. Донован старался вглядываться в каждый дом, который когда-то показывала ему мать и который он узнавал. Такое перекрестное условие позволило ему вспомнить два или три здания по пути. Он попросил высадить его на той части мойской набережной, что недалеко от отеля. Щедро по итальянским меркам и кто его знает, как – по русским, он отблагодарил водителя чаевыми и решил еще немного пройтись, несмотря на знакомый ветер.

Мойка. Старая-добрая Мойка, казалось, поднялась на метр-полтора ввысь, но все так же резонировала с погодой. Она будто вечно на что-то или на кого-то ругалась, но при этом возникало некое подобие стокгольмского синдрома – убежать и попрощаться с ней не хотелось. В этот раз Мойка казалась еще злее обычного, и Донован перебирал в памяти имена новых русских диссидентов, которые могли покинуть ее и о которых она имела полное право горевать.

Он вошел в кофейню и сделал заказ на вынос. В витрине, напротив барной стойки, он заметил юношу, лет 17—18 на вид и с очень выразительной внешностью. Тот был одет совсем не по погоде и это, конечно, делало его еще приметнее. Он застыл у двери входа и начал что-то выпрашивать у выходящих из нее людей. Его внешность напоминала ему одно из полотен Караваджо, только натурщики Караваджо были южанами на вид, а этот юноша очень смахивал на альбиноса. Полностью выгоревшие волосы, глаза, определенно серые или голубые, и странное лицо, с необычным расположением его частей, добавляли мифического послевкусия этому заочному знакомству.

Официантка окликнула его и любезно передала готовый заказ. Продав пару минут и ожидая, пока молодой человек уйдет, он вышел из кофейни и отправился в отель, находив-

шийся в этом же здании. Войдя в номер, приятный, но слишком пестрый для первого взгляда и всяко контрастирующий с юношей-альбиносом, он недолго наблюдал за улицей в окно, практически пустой. Не найдя себе достойного занятия, Донован поужинал и уснул за шелканьем каналов телевизора.

Глава 3. Болеро («О дева чудная моя»)

С утра он захотел выпить. Гостиничный официант, принесший тартины и два бокала сухого вина, казалось, тоже желал, чтобы Донован не терпел до вечера. Ранняя попойка, хотя и вполне приличная, навела его на мысль о Венечке из «Москва-Петушки». Давно он не читал ничего эпосоподобного. А ведь действительно давно.

Он не собирался менять свое осеннее пальто на что-нибудь иное, потеплее, ему было вполне комфортно и в нем. Запив добротное вино сносным кофе (дважды сносным), он нырнул в глубины питерского метро. От Садовой всегда было проще простого добраться до Лиговки. Вот дьявол, откуда только он помнит эти самобытные сокращения? Со смерти матери утекло много воды, утекло определенно достаточно, чтобы забыть такую мелочь. Лучше бы он ее ненавидел.

Его ждал давний друг, и Донован не позволил ему находиться в этом состоянии слишком долго. Он был художником, точнее, художником-самоучкой, но при этом богатым на внимание редких здесь галерей современного искусства. Были и, как это часто происходит в странах с атрофированным пониманием эстетики, частные почитатели его работ. Тепло поприветствовав и умело сократив его имя до Донни, он повел его в большую светлую комнату, попутно рассказывая об этих людях, клеймящих себя опытными ценителями. Ксавье (его звали Ксавье) откупорил какую-то бутылку вина из бара, сказав, что она родом из восточной Грузии, и завел обмен жизненным опытом. Он был невероятно легок в общении. Точные ремарки, здравые интерес, хороший вкус на вина – секунда за секунда Донован получал все, что ему было сейчас необходимо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.